

Современные властные элиты России: трансформации в стратегическом мышлении

Стратегическое мышление ныне правящей политической элиты РФ в отношении места и роли страны в современном мире в определенной степени контрастирует с теми механистическими представлениями/ мировоззренческими подходами, которые постулировались, в том числе на высшем уровне, на протяжении 1990-ых гг. Правда, переход к относительно более гомогенному и систематичному анализу/ранжированию стратегических приоритетов России не проявился в столь рельефной форме, как этого можно было ожидать. Тем не менее, целый ряд выдвигаемых администрацией В.Путина концептуальных положений рассчитаны, как минимум, на среднесрочную перспективу.

В ельцинский период исходные тезисы доминирующих на том этапе концептов существенным образом коррелировали с “фрагментарным” и противоречивым характером политического поля самой России, и во многом предопределялись соображениями идеологического, либо нормативно-ценностного порядка. К примеру, большинство западных специалистов с методологической точки зрения были склонны различать несколько превалирующих (речь идет о 90-ых гг. прошлого века) концептуальных “школ”, адепты которых были представлены в разных эшелонах власти, хотя и идентифицировались, по крайней мере, в трудах, к примеру, американских специалистов, как оппозиционные либо провластные группы (community) деятелей. В частности, на начальном этапе постсоветской трансформации к таковым относили так называемых либералов и представляющих другой полярный спектр политической/властной элиты – державников. Разумеется, во власти и в целом в политической системе РФ также были представлены прагматично настроенные политики, однако, в условиях разгорающейся межвластной борьбы, последние не смогли сплотиться в сплоченную и устойчивую группу.

Либералы (Е.Гайдар, А.Шохин и др.), в качестве собственной идейной базы, избрали уже апробированные (в целом ряде стран с успехом) постулаты теории модернизации, правда, безуспешно пытаясь адаптировать их к реалиям постсоветской России. В основе долгосрочных проектов либералов лежали две взаимосвязанных концепта – императивность экономической и политической модернизации страны (по западным рецептам) в отрыве от ближайших соседей по СНГ и тезис от вторичном характере военных угроз РФ в новых геополитических условиях. В стратегическом измерении либералы не учли два важнейших момента: во-первых, выступая сторонниками модернизации, они утратили из виду одно из принципиальных положений весьма практичной теории модернизации – проблему социальной интеграции – достаточно актуальную для такой страны как Россия. Ссылаясь на

не столь очевидные предпочтения глобализации, либералы надеялись, что успешное внедрение рыночных механизмов поможет отрегулировать в либерально-демократическом ключе как внутрироссийские, так и международные проблемы. Во вторых, исключение силового фактора как такового из повестки практической политики показала свою несостоятельность в контексте угрожающей военно-политической обстановки по периметру границ РФ.

Что касается державников, то традиционная статичность и консервативная направленность подходов последних представляла умонастроения лишь определенного сегмента общества. Несмотря на то, что государственные приоритеты державников, достаточно тесно переплетающиеся с интересами силовых структур, были представлены на институциональном уровне в обеих ветвях российской власти, в практическом применении они носили скорее фрагментарный характер.

В ретроспективе, формирование и развитие качественно новой, но в то же время единой стратегической культуры, отражающей ключевые приоритеты основных партий власти в 1990-ые гг. тормозилось ввиду двух взаимосвязанных факторов:

1. стратегическое мышление ведущих властных элит резко дифференцировалось как в идеологическом, так инструментальном отношении. Реальная политика (в частности, внешняя политика) администрации была противоречивой как в плоскости восприятия, так в практической реализации. Правда, к середине 1990-ых удалось прийти к определенному “центристскому” консенсусу в отношении понятия “национальный интерес”, однако стратегическое видение конечных результатов проводимого курса не отличалось конкретикой.

2. На протяжении 1990-ых гг., в принципе, в России не удалось создать некие институциональные либо неформальные механизмы агрегации интересов, которые дали бы возможность более или менее эффективной “экстраполяции” на общегосударственном уровне (наподобие неформально существующего американского “железного треугольника”, “iron triangle”).

Первой попыткой создания универсального концепта, философия которого проецировалась бы на ключевые аспекты национальной политики вовне и на внутривнутриполитической арене, явилась идея о многополярном мире (Е.Примаков). Примечательно, что пожалуй впервые на общенациональном уровне была озвучена необходимость интеграции всех пластов общества в реализацию данного проекта (“интересы крупного российского бизнеса также должны быть учтены”). В целом, при администрации В.Путина основные идеи этого концепта сохранили свою преемственность, однако в качественно ином политическом и содержательном контексте.

Приход к власти администрации В.Путина поначалу не предвещал радикальной смены внешнеполитической “парадигмы”, однако поступательная кристаллизация относительно новых доктринальных установок, политического инструментария (внешнего и внутреннего), восприятия и методов восприятия идентичности и места РФ в мире и ее интересов в более предметном ключе выявили трансформацию в стратегическом мышлении действующей власти.

Во-первых, В.Путин отказался “перманентных прецедентов” “экзистенционального” соперничества с Западом (“это касается конкуренции, и мы должны быть конкурентоспособны”). К началу своего второго президентского срока, устами министра иностранных дел официально было признано “существование законных интересов” Запада на постсоветском пространстве.

Во-вторых, администрацией были предприняты шаги, направленные на более конкретное / предметное определение национальных интересов России за рубежом. Проводимая политика в определенной степени стала жесткой, методичной и целенаправленной. Если в ельцинский период многие западные политики и эксперты сетовали на то, что Россия “вместо того чтобы продолжить игру с определенными правилами, неожиданно может перевернуть шахматную доску оземь”, то при В.Путина ситуация изменилась существенным образом. Причем определение целей национальной политики РФ в более конкретном ключе в значительной степени облегчило задачу Запада по “выявлению реальных лимитов российского влияния” (аналитический центр МО Великобритании).

В-третьих, важнейшей “новацией” администрации Путина стал курс, направленный на ресурсную мобилизацию, с привлечением и интеграцией крупного российского капитала в мегапроекты общегосударственного значения (в том числе и за рубежом).

В целом, можно констатировать, что за прошедший период, в результате эмпирически накопленного опыта и смены персоналий в руководящих эшелонах власти, политическая ментальность и миропонимание российской властной элиты приобрели “технократический” характер. Прежние “идейные дихотомии” были отброшены ввиду практической нерациональности, чему в значительной степени способствовало укрепление нового формата политических взаимоотношений, исходящих из принципа “государство – это Путин”.

Во властных околокремлевских кругах сформировались новые группы интересов, которых, с некоторыми оговорками, можно идентифицировать как силовиков, технократов и либералов. При этом, фракцию силовиков отличает наибольшая иерархичность и прагматичность в обеспечении собственных экономических ресурсов. Вместе с тем характерно, что “классические” либеральные подходы, присущие либералам первой волны,

оказались невостребованы в новом политическом контексте: современные либералы отнюдь не склонны более постулировать необходимость социально-экономического отрыва РФ от стран СНГ. Наоборот, нынешние “неолибералы” (А.Кудрин, Г.Грэф) “переросли” в адептов государственного интервенционизма, хотя и принимающих за основу базовые универсальные каноны рыночных механизмов. Примечательно, что на идейном уровне (но не в плоскости персональных, либо межэлитных отношений) походы последних перекликаются с представлениями технократов (Д.Медведев, А.Миллер) относительно императивности отказа от “затратной” внешней политики: и те, и другие выступают за активное внедрение и структурное закрепление России в сопредельных странах, имеющее очевидное государственное (официально - межгосударственное) измерение. И те, и другие выступают за прагматичный и рациональный расчет политико-экономических интересов РФ в среднесрочной перспективе. В “агрегированной”, но достаточно концептуальной форме, взгляды и идеи действующих во власти фракций, в той или иной мере отражающих формирующееся новое стратегическое мышление российской элиты, представлены в весьма интересном мидовском документе (март 2007) - в “Обзоре внешней политики Российской Федерации”. Данный документ, являющийся темой отдельного анализа, является достаточно показательным концептуальным итогом, но одновременно и “завещанием” путинской администрации.